

МОГИЛЬНИК ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЖИВОТИННОМ ГОРОДИЩЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 мая 2025 г.

Аннотация: *грунтовый могильник с ингумациями на Животинном городище, скорее всего, оставлен какой-то группой пришлого с юга населения, подчинившего оседлых земледельцев центральных и северных районов донской лесостепи с культурой Чертовикское–Замятино. Но это были не кочевники-гунны, а, судя по инвентарю, представители некой варварской аристократии.*

Ключевые слова: *Верхнее Подонье, Боспор, Животинное городище, гуннское время, ингумация, кочевники.*

Abstract: *the inhumation ground burial site from the mid-5th century at the Zhivotinnoe hillfort was most likely established by a group of people who had migrated from the south and who had subjugated the sedentary farmers of the central and northern regions of the Don forest-steppe, associated with the Chertovitskoe-Zamyatino cultural type. However, these were not Hunnic nomads but, judging by the grave goods, representatives of a certain barbarian aristocracy.*

Key words: *Upper Don region, Bosporus, Zhivotinnoe hillfort, Hunnic period, inhumation, nomads.*

Памятники оседлости гуннского времени на Верхнем Дону с легкой руки А. М. Обломского получили название типа Чертовикское–Замятино (рис. 1, А). Географически они тяготеют к главным рекам региона – Дону и Воронежу, к господствующим береговым высотам (рис. 1, Б). Памятники этого типа представлены неукрепленными поселениями, изредка жители использовали заброшенные старые городища (III Чертовикское, Верхнее Казачье). Погребальные памятники гуннского времени получили названия типа Животинного по могильнику на Животинном городище в Рамонском районе Воронежской области. Оно занимает оконечность мыса правого берега р. Воронеж, возвышающегося над уровнем поймы на 35 м (рис. 1, В). Памятник изучался Славянским отрядом археологической экспедиции Воронежского государственного университета под руководством А. З. Винникова при участии А. П. Медведева в 1974, 1977, 1982–1986 гг. Как показали раскопки, он содержал культурные напластования различных эпох, начиная с бронзового века и заканчивая древнерусским временем [1].

На наличие на Животинном городище интересующих нас древностей впервые обратил внимание А. П. Медведев [2]. Он датировал открытые на городищенской площадке грунтовые погребения финалом сарматской эпохи в пределах IV в. н. э. [3, с. 73–77]. Впоследствии А. М. Обломский обосновал их датировку гуннским временем. А. П. Медведев выделил

на городище бытовые комплексы того же времени [4, с. 55, рис. 22]. В дальнейшем в результате изучения всей керамической коллекции Животинного городища из слоя, построек и ям удалось собрать более представительную серию находок гуннского времени [5].

После публикации планов раскопок Животинного городища в книге А. З. Винникова 2014 г. [1] появилась возможность проанализировать топографию бытовых объектов и грунтовых погребений гуннского времени в комплексе. Планиграфический анализ показал, что погребение 2 выявлено в 2 м к северо-западу от ямы 33, погребение 3 находилось в 2 м к северо-востоку от постройки 21, погребение 4 было расположено в 2 м к юго-западу от постройки 21, а погребение 5 находилось в 6 м к юго-западу от погребения 4. Однако говорить о какой-либо связи погребальных комплексов с бытовыми объектами затруднительно. Замечено лишь то, что большинство погребений с ингумациями гуннского времени открыты там, где не было плотной застройки полуземлянками боршевской культуры, которые уничтожили большую часть более ранних объектов на площади городища.

После выделения на площади Животинного городища материалов поселения гуннского времени встал вопрос об их соотношении с ранее открытым здесь же грунтовым могильником [2, с. 148–156]. Все исследованные пять погребений представляли бескурганые ингумации. Они располагались непосредственно на территории поселения гуннского времени.

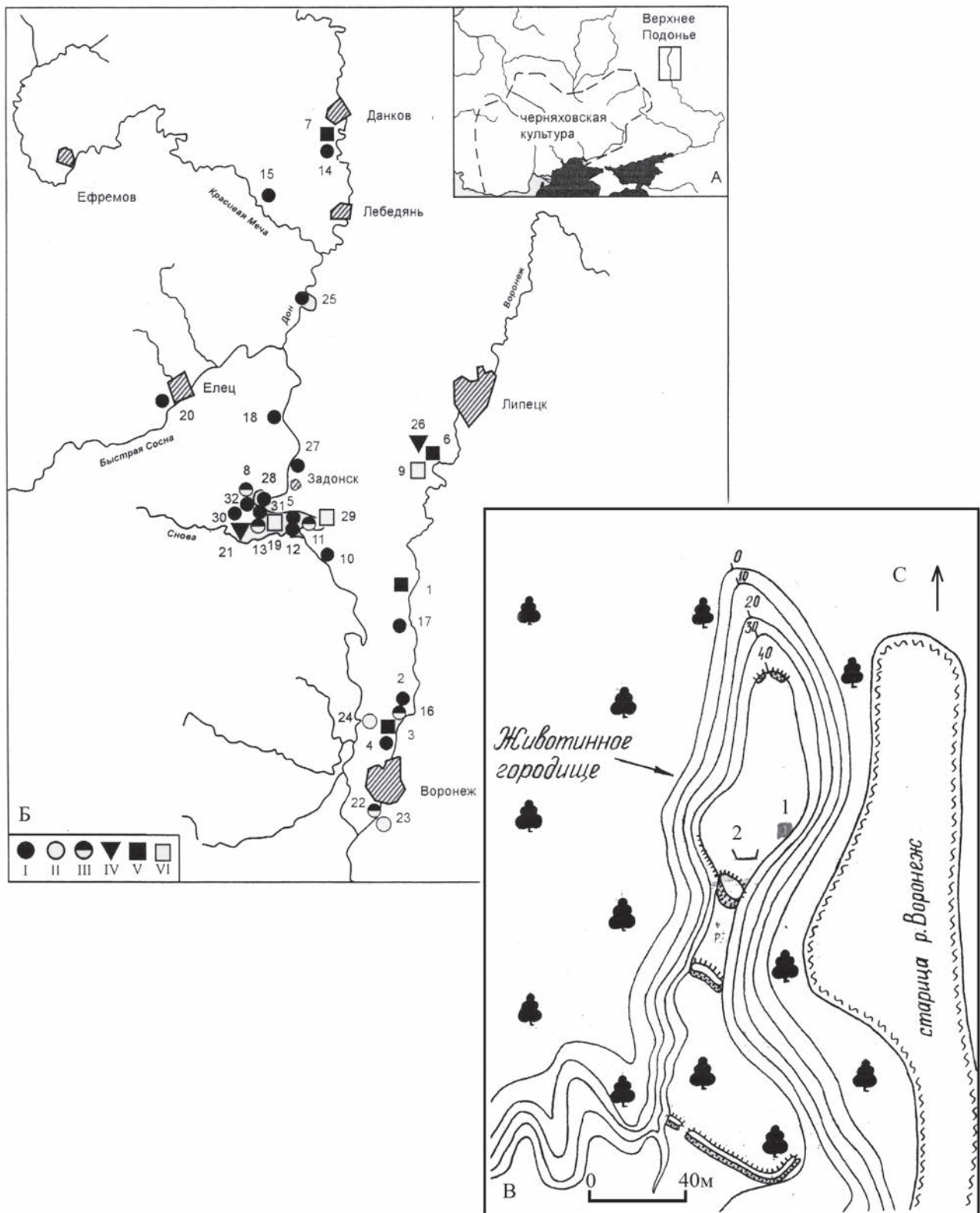

Рис. 1. Карта памятников гуннского времени в бассейне Верхнего Дона и план Животинного городища:
 А – Верхнее Подонье на карте Восточной Европы; Б – памятники гуннского времени в Верхнем Подонье; В – план
 Животинного городища, 1 – постр. 21, 2 – погребения гуннского времени

Погребение 1 разрушено поздней славянской хозяйственной ямой. На уровне материка найдена черепная крышка человека, а в 0,6 м к северо-западу от нее – обломки трубчатой кости.

Погребение 2 совершено в могиле удлиненно-овальной формы размерами 0,70 × 2,0 м, глубиной 0,32–0,45 м. Погребенная женщина 20–25 лет положена вытянуто на спине, головой на северо-запад. Ее череп искусственно деформирован, инвентарь отсутствовал. Лишь в заполнении могилы встречен фрагмент лепного сосуда. Безынвентарное погребение 2 по таким признакам, как ориентировка и искусственно деформированный череп, первоначально было отнесено к позднесарматским. Однако те же признаки теперь известны и в ингумациях середины I тыс. н. э. [6, с. 274–291].

Погребение 3 полностью разрушено. От него сохранился раздавленный череп, рядом с которым встречены фрагменты лепного сосуда.

Погребение 4 совершено в узкой яме, ориентированной длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток (рис. 2, I). Ее размеры 0,9 × 2,6 м, глубина 1 м от уровня материка. Северо-восточная часть могилы нарушена славянской постройкой, на дне которой встречены фрагменты серолощенной миски с загнутым внутрь краем явно из этого погребения (рис. 2:14). Скелет мужчины лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, ноги прямые, он ориентирован головой на север-северо-восток. Череп чуть завалился на правую сторону. В изголовье стоял сероглиняный кувшин (рис. 2:4).

Слева от погребенного, вдоль ноги, лежал железный меч с ручкой-штырем без металлического перекрестия (рис. 2:1). Рукоять плоская, довольно широкая, в месте соединения с клинком образует прямой угол. Рядом с рукоятью меча найдено янтарное навершие с бронзовым колпачком (рис. 2:1a). Вдоль левой руки был положен острием вверх железный короткий меч или кинжал с ручкой-штырем из металлического навершия и перекрестия (рис. 2:2). Сохранились остатки его деревянных ножен, завершающихся снизу бронзовой подковообразной обкладкой. У правого колена найдена кость животного, в которую был воткнут железный нож (рис. 2:13).

На тазовых костях встречены три пряжки. Слева лежала массивная серебряная пряжка с овальной чуть прогнутой рамкой и прямоугольной обоймой (рис. 2:5). Язычок пряжки толстый, хоботковидный, его конец загнут вниз и немного выступает за пределы рамки. Чуть выше основания язычка имеется неглубокая горизонтальная канавка, оформляющая его нижнюю часть в виде квадратного выступа. Прямоугольная обойма состоит из перегнутой через основание рамки пластины, соединенной по углам четырьмя заклепками. Ее внешняя поверхность украшена

тонкими прочерченными линиями, соединяющими заклепки. Под клинком кинжала встречена маленькая бронзовая пряжка с овальной обоймой и одной заклепкой (рис. 2:7). Язычок у пряжки отсутствует. Третья пряжка с плохо сохранившейся обоймой обнаружена на правой половине таза. Она изготовлена из серебра и имеет овальную рамку и обойму. Конец язычка загнут книзу и чуть выступает за пределы рамки.

Поблизости, над кистью правой руки, найден сильно коррозированный железный предмет, в который с внешней стороны «припаялся» кремневый отщеп (рис. 2:3). Снизу в этот же предмет оказалась «впаянной» маленькая серебряная пряжка с удлиненной прямоугольной обоймой на одной заклепке. Тут же собраны четыре серебряных заклепки с грибовидными шляпками (рис. 2:12). По мнению А. М. Обломского, это были остатки сумки с кусочком кремня, которая застегивалась пряжкой [7, с. 491].

Под левой ключицей лежала серебряная пряжка с овальной рамкой и удлиненно-прямоугольной обоймой на одной заклепке (рис. 2:5). Язычок в средней части резко утончен, его конец загнут вниз и чуть выходит за границы рамки. На лодыжках встречены еще две небольшие серебряные пряжки от обуви. Они имеют округлые рамки и обоймы овальной формы на одной заклепке. Конец язычка чуть выступает за пределы рамки и загнут вниз. Между костями правой ноги и стенкой обнаружена неглубокая кротовина, в которой лежали кость животного, невыразительный фрагмент лепной керамики и кусок мела.

Сероглиняный гончарный кувшин, покрытый темным лощением, имеет высокое горло с желобчатым орнаментом и тулово, украшенное поясом из пролощенных тройных полосок, образующих зигзаг (рис. 2:4). На дне отпечаток клейма (или подстава) в виде колеса с четырьмя спицами. А. М. Обломский считал, что кувшин аналогичен тем, которые изготавливались на поселении Ксизово-19 [там же]. Но обычай украшать дно сосуда рельефным клеймом в виде колеса со спицами получает распространение на боспорской столовой посуде с IV в. н. э. [8, с. 317]. Зигзаговидный пролощенный орнамент известен на кувшинах черняховской культуры [9, с. 57], но особенно на Боспоре в конце IV – первой половине V в. н. э. [10, с. 242].

Железный меч с широкой и плоской рукоятью можно было бы отнести к одному из самых поздних вариантов длинных позднесарматских мечей (рис. 2:1). К. Ф. Смирнов подобные мечи датировал концом III – IV вв. н. э. [11, с. 214]. Однако клинок его более широкий, что характерно для боспорских мечей позднеантичного времени. Найденный вместе с мечом кинжал (рис. 2:2) имеет одну характерную особенность – бронзовую оковку нижней части но-

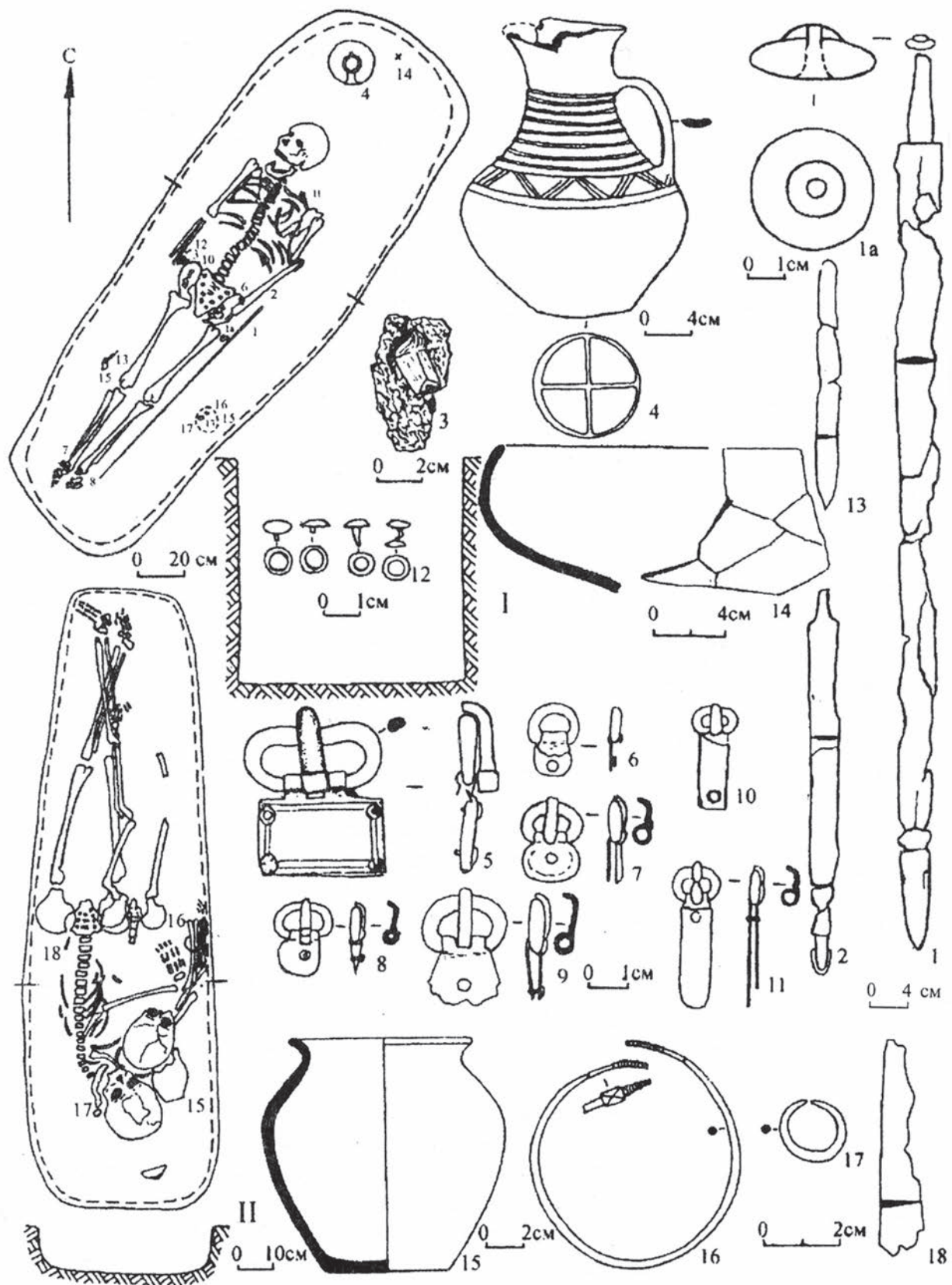

Рис. 2. Погребения с территории Животинного городища: I – 1–14 – погр. 4; II – 15–18 – погр. 5.

жен. Эта деталь довольно часто встречается на ножнах мечей и кинжалов эпохи Великого переселения народов [12, с. 162, табл. 9].

Более точную дату погребения 4 позволяет определить набор пряжек. В первой публикации мы привели им ряд аналогий из комплексов с упором на IV в. н. э., указав на то, что крупные поясные пряжки с прямоугольной обоймой доживают до VI в. н. э. [2]. И. Р. Ахмедов и М. М. Казанский существенно омолодили датировку этого комплекса на том основании, что серебряная пряжка (рис. 2:5) близка находкам в могильниках Изенав и Эшборн, датируемых в пределах 450–480 гг. Получается, что они могли попасть в Центральную Россию только после распада «державы Аттилы». Поясной набор и наличие второго короткого меча соответствует западной воинской моде, распространенной во второй половине V в. [13, с. 179]. Судя по длинному мечу и набору серебряной ременной гарнитуры этот комплекс относится к привилегированным мужским погребениям гуннского времени группы Па [14, с. 163, 178].

Погребение 5 совершено в узкой могильной яме 0,55 × 1,75 м, глубиной 0,15 м (рис. 2, II). Ее дно было посыпано мелом. В могиле встречены два костяка: женский и детский. Скелет взрослой женщины положен вытянуто на спине, головой на юг. Ее ноги перекрещены в голених, руки сведены вместе и лежали справа от туловища, голова чуть склонилась вправо. Детский костяк находился справа от женского, но залегал несколько выше. Он лежал на спине, головой на юг. Правая рука слегка согнута в локте и отведена в сторону. Судя по положению костяков, здесь было совершено парное захоронение женщины с ребенком.

Справа от черепа женщины найден лепной горшок (рис. 2:15). За ее черепом встречено днище второго лепного сосуда. Слева от черепа лежала бронзовая серьга в один оборот с утончающимися концами (рис. 2:17). На правой руке находился бронзовый браслет (рис. 2:16). На поясе, слева от позвоночника, найден обломок железного ножа (рис. 2:18). При детском костяке находок не было.

Горшок с коротким, отогнутым наружу венчиком и шаровидным туловом близок одному из самых распространенных типов посуды, появившейся в позднесарматское время [15, с. 28, рис. 8,4]. Горшки этого типа встречаются в нижнедонских катакомбах IV в. н. э. [16, с. 289, рис. 6,11], а также в подбойных погребениях IV–V в. на Среднем Дону [17, рис. 6, 9].

Найденный в погребении 5 бронзовый браслет с уплощенными концами в виде стилизованных змеиных головок, украшенных гравированными крестами и насечками, обнаруживает аналогии в позднеантичных погребениях Танаиса [18, с. 11, табл. XXXIV:11; 19, с. 70–71, табл. VXXIII]. Их находки известны на

памятниках гуннского времени, в том числе на Верхнем Дону [19, с. 205–206]. Широкую дату имеет бронзовая серьга в виде колечка, утолщающегося в средней части, и несомкнутыми, близко сведенными концами. Укажем, что точно такое же сочетание срежек этого типа с браслетом, украшенным стилизованными змеиными головками, встречено в погребении 253 позднеантичного некрополя Танаиса [6; XXX: 8, 19, с. 69–71, табл. XXXI].

Грунтовые захоронения, в частности, погребение 4, появляются здесь не ранее середины V в. Не вдаваясь в дискуссию об этнической принадлежности населения, совершавшего грунтовые бескурганные погребения в лесостепи, укажем, что они вряд ли имели истоки в местной традиции. Во всяком случае, они существенно отличаются от более ранних среднедонских погребений позднесарматского горизонта конца IV – начала V в. [17].

Согласно гипотезе А. Г. Фурасьева, объединение акацир включало кочевников и оседлые группы варваров, пограничных со степью, прежде всего население Верхнего Дона, и носителей рязано-окской культуры [20; 21, с. 193, 194].

А. М. Обломский разделял мнение А. Г. Фурасьева о том, что население Верхнего Подонья в гуннское время входило в состав объединения акациров, которые были этнически смешанной группировкой. По мнению А. М. Обломского, элементы степной традиции на памятниках Верхнего Подонья были связаны с культурой смешанного гуннского и позднесарматского населения южнорусских степей [7, с. 505]. В гуннский период функционировал торговый путь по Дону из Северного Причерноморья в Поочье. Начальным звеном этого пути было поселение, возникшее на месте позднеантичного Танаиса [там же, с. 507].

По мнению М. М. Казанского и А. В. Мاستыковой, политические образования оседлого населения на границе степи, сохранявшие свою внутреннюю автономию и своих вождей, но подчиненные сильным кочевым союзам, хорошо известны в истории Великого переселения народов и для гуннского времени фиксируются археологически [22, с. 245–247]. Что касается конкретно оседлого населения Верхнего Дона и рязано-окской культуры, то в обоих случаях выявляются археологические признаки существования местных правящих элит, которые и были в первую очередь заинтересованы в военном союзе с гуннами/акацирами. Это «княжеская могила» в Мухино, «вождеское» погребение могильника Животинное на Верхнем Дону и захоронения воинских предводителей на памятниках рязано-окской культуры [там же, с. 242, 244, 247].

Таким образом, грунтовый могильник с ингумациями на Животинном городище скорее всего остав-

лен какой-то группой пришлого с юга населения, подчинившего оседлых земледельцев центральных и северных районов донской лесостепи с культурой Чертовицкое–Замятино. Но это были не кочевники-гунны, а, судя по инвентарю, представители некой варварской аристократии [23, с. 235].

ЛИТЕРАТУРА

1. Винников А. З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж) / А. З. Винников. – Воронеж : Кварта, 2014.
2. Медведев А. П. Грунтовый могильник на Животинном городище / А. П. Медведев, А. З. Винников // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж, 1989.
3. Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) / А. П. Медведев. – Воронеж, 1990.
4. Медведев А. П. III Чертовицкое городище (материалы I половины I тыс. н. э.) / А. П. Медведев // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тыс. н. э. Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 12. – Воронеж : ВГУ, 1998.
5. Зиньковская И. В. Поселение и могильник раннегуннского времени на Животинном городище / И. В. Зиньковская // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2008.
6. Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.). – М. : ИА РАН, 2015. – (Раннеславянский мир. Вып. 16).
7. Обломский А. М. Ранние славяне в лесостепном Подонье в III–VII вв. / А. М. Обломский // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена. – Воронеж, 2021.
8. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры / Д. Б. Шелов. – М. : Наука, 1972.
9. Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса / Б. В. Магомедов. – Lublin, 2001.
10. Медведев А. П. О греко-сарматах в позднеантичной Фанагории / А. П. Медведев // НАВ. – 2009. – Вып. 10.
11. Смирнов К. Ф. Сарматские погребения Южного Приуралья / К. Ф. Смирнов // КСИИМК. – 1948. – № 22.
12. Сокольский Н. И. Боспорские мечи / Н. И. Сокольский // МИА. – 1954. – № 33.
13. Ахмедов И. Р. После Атиллы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст / И. Р. Ахмедов, М. М. Казанский // Культурные трансформации и взаи-

мовления в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. – СПб., 2004.

14. Казанский М. М. Престижное оружие, конское снаряжение и воинский убор эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском / М. М. Казанский, А. В. Мастыкова // МАИЭТ. – 2023. – Вып. 28.
15. Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / А. С. Скрипкин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984.
16. Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях / С. И. Безуглов // Проблемы современной археологии. – М. : Таус, 2008.
17. Медведев А. П. О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону / А. П. Медведев, В. Д. Березуцкий // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2018. – Т. 23, № 3.
18. Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса / Д. Б. Шелов // МИА. – 1961. – № 98.
19. Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса / Т. М. Арсеньева. – М. : Наука, 1977.
20. Мастыкова А. В. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино гуннского времени на Верхнем Дону / А. В. Мастыкова, Г. Л. Земцов // КСИА. – 2014. – Вып. 234.
21. Фурасьев А. Г. Акациры – соседи эстиев / А. Г. Фурасьев // АСГЭ. – 2013. – Вып. 39.
22. Казанский М. М. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху / М. М. Казанский, А. В. Мастыкова // Дивногорский сборник : труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 1. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009.
23. Казанский М. М. Акациры : северная окраина кочевой степи после Атиллы / М. М. Казанский, А. В. Мастыкова // КСИА. – 2022. – Вып. 267.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии
НАВ – Нижневолжский археологический вестник

Воронежский государственный университет
Зиньковская И. В., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: zinkovi@yandex.ru

Voronezh State University
Zinkovskaya I. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Archeology and History of the Ancient World Department
E-mail: zinkovi@yandex.ru